

ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ЧТЕНИЯ 98-99

Рекомендовано Главным научно-редакционным советом к изданию
в составе «Энциклопедической библиотеки–2003»

Редакционный совет

Акад. архит., д-р архит. Т. А. Славина (*председатель*);
Е. А. Акимова; д-р ист. наук В. Н. Барышников;
канд. ист. наук Г. В. Вилинбахов; канд. искусств. В. А. Витязева;
канд. ист. наук Л. В. Выскочков; канд. искусств. Э. М. Глинтерник;
Е. Н. Гусева; д-р филос. наук А. И. Доронченков;
д-р архит. С. П. Заварихин; канд. техн. наук В. Н. Зайцев;
канд. искусств. Н. В. Калязина; Е. М. Клинкава; Г. В. Кляровская;
Н. М. Комиссарчик; нар. артистка СССР Г. Т. Комлева;
канд. ист. наук П. А. Кротов; канд. искусств. С. О. Кузнецов;
В. И. Лелина; д-р искусств. В. Г. Лисовский;
канд. искусств. Т. А. Малинина; канд. филол. наук И. Г. Матвеева;
канд. ист. наук В. В. Михайленко; д-р пед. наук Г. В. Михеева;
Н. Д. Морозова; канд. искусств. Л. А. Обухова; д-р техн. наук,
В. Е. Павлов; д-р филос. наук В. А. Петрицкий;
канд. искусств. Т. А. Петрова; Г. Г. Приамурский;
д-р ист. наук, проф. Н. И. Приймак; канд. искусств. И. П. Садовская;
канд. архит. С. В. Семенцов (*зам. председателя*);
канд. искусств. А. А. Соколов-Каминский;
канд. ист. наук В. И. Терехова; канд. пед. наук О. Ю. Устинова;
канд. пед. наук В. Р. Фирсов; канд. ист. наук И. И. Фролова;
канд. ист. наук М. В. Ходяков; канд. ист. наук Л. А. Шилов;
д-р филол. наук И. А. Шомракова.

Редакционно-издательская группа

Координатор проекта Э. М. Глинтерник
Художественный редактор Л. В. Жебровская
Редакторы Е. А. Адаменко, М. В. Стукалина

ISBN 5-93422-001-2

- © Ассоциация исследователей Санкт-Петербурга, 1999
- © Издательство «Петербургский институт печати», 1999
- © Л. В. Жебровская, макет, 1999
- © Д. А. Бюргановский, обложка, фирменный знак «Энциклопедическая библиотека „Санкт-Петербург–2003“», 1999

РАЗДЕЛ V. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Бекжанова Н. В. (<i>Библиотека Российской Академии наук</i>). Коллекция биографических материалов А. И. Ляшенко в фонде Справочно-библиографического отдела Библиотеки РАН.	399
Коген О. М. (<i>Санкт-Петербургский государственный университет</i>). «Указатели» Санкт-Петербурга и Москвы конца XVIII — первой половины XIX века.	402
Красникова О. А. (<i>Библиотека Российской Академии наук</i>). Этнографический атлас П. И. Кеппена.	405
Кукушкина В. В. (<i>Российская национальная библиотека</i>), Н. К. Шаблаева (<i>Библиотека Российской Академии наук</i>). Особенности топонимики Петербурга второй половины XIX — начала XX века по планам города.	408
Ростовцев Е. А. (<i>Европейский университет в Санкт-Петербурге</i>). Методология истории петербургской исторической школы.	412
Ростовцев Е. А. (<i>Европейский Университет в Санкт-Петербурге</i>). Термин «Петербургская историческая школа» в историографических источниках.	415
Семенцов С. В. (<i>Ассоциация исследователей Санкт-Петербурга</i>). К вопросу об истории изучения территории Приневья XV—XVII веков.	418
Шаблаева Н. К., Красникова О. А. (<i>Библиотека Российской Академии наук</i>). К вопросу об указателе к плану С.-Петербурга 1828 года Ф. Ф. Шуберта и о других планах города XIX века.	423
Шаблаева Н. К. (<i>Библиотека Российской Академии наук</i>). Планы и карты Ниеншанца (Канцев). Историко-библиографическое обозрение.	427

РАЗДЕЛ VI. ПЕТЕРБУРГ И СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Акимова Е. А. (<i>Санкт-Петербургский государственный университет</i>). Деятельность Жданова А. А. в Союзной Контрольной Комиссии в Финляндии (по материалам дневниковых записей Ю. К. Паасикиви).	431
Барышников В. Н. (<i>Санкт-Петербургский государственный университет</i>). Военный аспект проблемы Ленинграда в советско-финляндских отношениях конца 30-х годов.	435
Барышников Н. И. (<i>Санкт-Петербургский государственный университет</i>). Маннергейм и блокада Ленинграда.	439
Кольчугина Д. А. (<i>Государственный Эрмитаж</i>). Финские влияния в творчестве Р. Ф. Мельцера (на примере каменноостровских особняков).	444
Кривдина О. А. (<i>Государственный Русский музей</i>). Датский скульптор И.-А. Иерихау (1816—1883) и его работы в собрании Государственного Русского музея.	447
Лазарев А. В. (<i>Санкт-Петербургский государственный университет</i>). Характерные этапы в изложении событий советско-финляндской войны 1939—1940 годов ленинградской периодической печатью.	451
Лопато М. Н. (<i>Государственный Эрмитаж</i>). Шведские золотых и серебряных дел мастера при русском дворе.	454

ческих посылок, данных в общей методологии. Понятие источника следовало из двоякого понимания природы источника как факта и показания о факте и основывалось на определении исторического факта «как воздействия сознания данной индивидуальности на среду»⁸. Факты, обладавшие свойствами «исторической ценности» и «действенности» по отношению к системе «исторического целого», А. С. Лаппо-Данилевский называл фактами с историческим значением. Соответственно исторический источник «есть реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением»⁹. От этого определения строилась система классификации исторических источников и методов их изучения, которые включали в себя интерпретацию (установление объективного психического значения источника) и критику (установления научно-исторической ценности источника). Последняя заключала в себе критику источника как факта и показаний о факте. Получаемые в ходе источниковедческого анализа результаты позволяли определить позицию как источника, так и восстанавливаемого с его помощью факта в системе исторического целого, руководствуясь принципами общей методологии и используя методы, изложенные во второй части специальной методологии — «методологии исторического построения». «Правила воспроизведения и издания исторического материала», т. е. «археографию в узком смысле» А. С. Лаппо-Данилевский относил не к методологии, а к технике исторического исследования. Но они полностью были подчинены задачам, решаемым в методологии источниковедения.

С. Ф. Платонову и А. С. Лаппо-Данилевскому удалось создать научные школы, отражавшие и распространявшие влияние в науке позиций обоих ученых. Если до революции 1917 г. и смерти А. С. Лаппо-Данилевского в 1919 г. взаимоотношения школ А. С. Лаппо-Данилевского и С. Ф. Платонова носили характер научного соперничества, то с изменением историографической ситуации начинается консолидация петербургской школы перед лицом «лженауки» М. Н. Покровского. Поскольку система методологии истории школы А. С. Лаппо-Данилевского в условиях советского режима не могла быть востребована, развитие теоретического направления внутри школы было искусственно прекращено.

Третий этап — развитие школы в советское время. К петербургской школе этого времени можно отнести многочисленных учеников С. Ф. Платонова, А. С. Лаппо-Данилевского, А. Е. Преснякова и других ученых, чья деятельность развивалась в основном до революции. Доминирующая черта методологической эволюции школы в этот период — сознательное дистанцирование от теории истории (полностью подчиненной идеологии) и сосредоточение усилий на поддержании традиций «ремесла». Среди ведущих представителей школы этого времени: С. Н. Валк, А. И. Андреев, Б. А. Романов, С. Н. Чернов, П. Г. Любомиров, М. Д. Приселков, Я. С. Лурье и ряд других ученых. Сознательный отказ от теоретических исследований обусловил слабую восприимчивость петербургской школы не только к марксизму, но к другим теоретическим системам (структурализм, постструктурализм) и направлениям в науке («Новая историческая наука» — школа Анналов).

¹ Пресняков А. Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великокорусского государства». Пг., 1920. С. 6.

² Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной сессии ЛГУ. Л., 1948. С. 10–14.

³ Подготовительные материалы к речи С. Ф. Платонова по случаю годовщины смерти В. Г. Васильевского // ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонова). Оп. 1. Д. 1527. Л. 6.

⁴ Платонов С. Ф. Константин Николаевич Бестужев-Рюмин // Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8. С. 227.

⁵ А. С. Лаппо-Данилевский — Е. Д. Лаппо-Данилевской, май 1893 г. // ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 10. Л. 23 об.

⁶ Миллюков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. I. С. 163.

⁷ Платонов С. Ф. Обзор источников летописного типа. Литография. СПб., 1905.

⁸ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Часть I. Теория исторического знания. СПб., 1910. С. 322.

⁹ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Выпуск II. СПб., 1913. С. 375.

Е. А. РОСТОВЦЕВ

ТЕРМИН «ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА» В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

В позднейшей советской и постсоветской историографической литературе неоднократно поднимался вопрос о параметрах «петербургской исторической школы»¹. В связи с этим следует обратить внимание на историографические источники, давшие толчок возникновению этого термина.

Среди историографических источников важное значение придается суждениям А. Е. Преснякова², П. Н. Миллюкова³ и С. Н. Валка⁴.

Впервые четкое определение «петербургской исторической школы» приводит А. Е. Пресняков в своей диссертационной речи (1918), затем этот термин возникает в воспоминаниях П. Н. Миллюкова (начало 1940-х), и, наконец, рассматривается в статье С. Н. Валка, посвященной истории исторической науки в Петербургском университете (1948).

Поскольку эти суждения формируют современное историографическое представление о петербургской исторической школе, целесообразно остановиться на них не как на историографическом ряде, а с точки зрения структуры этого представления.

Предметом воспоминаний П. Н. Миллюкова является наука 1880-х — 1890-х гг., суждения А. Е. Преснякова относятся к 1900-м — началу 1920-х, суждения С. Н. Валка — ко 2-й половине XIX — 1-й половине XX вв.

О высказываниях П. Н. Миллюкова можно заметить следующее. Суждения относительно петербургской исторической школы высказаны им в четвертой части его воспоминаний («От студента к учителю и к ученому») в главе «Петербург и граница». Эти воспоминания писались во Франции в конце жизни в

1940-х. Поэтому неудивительно, что ряд деталей, в том числе и связанных с общением с петербургскими коллегами, представлен подчас неточно, однако для нас важен тот общий образ петербургской исторической школы, который вынес П. Н. Милюков из общения с петербургскими историками в 1890—1891 гг. Следует учитывать и то, что по своему характеру это тот вид исторической рефлексии, который уже приближается к ретроспективным историографическим суждениям, особенно для нас интересным. Они представляют образ исторической школы, которая: 1) главное внимание уделяла источникам; 2) остановилась на изучении древнейшего времени; 3) подверглась к 1890-м гг. сильному влиянию московской исторической школы; 4) продолжала эволюционировать в этом направлении, в чем особенно преуспели представители молодого поколения С. Ф. Платонов, А. С. Лаппо-Данилевский, А. Е. Пресняков, Н. П. Павлов-Сильванский. Из текста «Воспоминаний» следует, что П. Н. Милюков даже объединял их как «молодых сторонников московского направления».

Впервые вводит термин «Петроградская историческая школа» А. Е. Пресняков, причем в определенном историографическом контексте, связанном с анализом научной литературы по истории России XIII—XV вв. В речи перед защитой диссертации А. Е. Пресняков развивает свои историографические наблюдения, помещенные в начале представляемой работы. Эти наблюдения, содержащиеся в «Предисловии» и «Введении (Историографические заметки)» приводят автора к выводу о научной уязвимости традиции историко-юридической школы С. М. Соловьева — В. О. Ключевского. Он считает, что подбор фактов и интерпретация источников в трудах представителей этой школы вторичны и подчинены теории, социологической схеме. А. Е. Пресняков, напротив, предпринял попытку восстановить, по его словам, «права источника и факта». Однако, если в тексте монографии (диссертации) А. Е. Пресняков ограничивается противопоставлением методологии своих научных штудий предшествующей традиции, то в речи перед защитой он объясняет это противопоставление своей принадлежностью к «Петроградской исторической школе»: «...пришел я к попытке пересмотра некоторых основных вопросов русской истории в духе воспитавшей меня исторической школы». Автор отмечает, что ее характерной чертой был «научный реализм, сказывающийся, прежде всего, в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту вне зависимости от историографической традиции». Таким образом, складывается ситуация, при которой А. Е. Пресняков противопоставляет две исторические школы (московскую — историко-юридическую и петербургскую), заявляя, между тем, о существовании (до него) лишь одной, критикуемой им, историографической традиции (историко-юридической). Такая точка зрения по своей сути парадоксальна: если петербургская школа не создала до А. Е. Преснякова историографической традиции, альтернативной традиции московской школы, то почему методология исследования петербургской исторической школы представляется более научно обоснованной и независимой от московской? Ответ на этот вопрос содержится в рассуждениях самого А. Е. Преснякова, направлен-

ных против «строителей исторических теорий»: различие заключалось, прежде всего, в направленности исследовательской работы: у московских историков — общие построения при недостаточном внимании к критике источников, у петербургских — сосредоточение внимания на источниках при (и об этом А. Е. Пресняков умалчивает) невнимании к общим построениям. А. Е. Пресняков же выходит за традиционные установки петербургской школы и предлагает схему исторического процесса, альтернативную схемам московской школы. «Это тоже схема, — пишет А. Е. Пресняков о своей концепции, — но в ней вижу законное преобладание роли материала...».

В своих рассуждениях А. Е. Пресняков отождествляет понятие петербургской исторической школы с школой С. Ф. Платонова. Это положение повторяется и в его книге о А. С. Лаппо-Данилевском. Однако в последнем сочинении историографические позиции А. Е. Преснякова претерпевают значительные изменения. Он решительно отделяет историко-юридическую школу, к которой относит А. С. Лаппо-Данилевского, от московской. Позицию А. С. Лаппо-Данилевского А. Е. Пресняков противопоставляет как московской, так и петербургской историческим школам.

Одновременно в статье В. И. Невского начинает формироваться и иная линия, рассматривающая творчество А. С. Лаппо-Данилевского как представителя петербургской исторической школы⁵.

В некотором роде все эти противоречивые представления объединены в статье С. Н. Валка. По сути, все основные положения автора представляют определенные методологические основания дореволюционной петербургской исторической науки, важным итогом которой стала деятельность А. Е. Преснякова, давшего определение петербургской научной традиции в противовес московской. Валк указывает на это, идя дальше А. Е. Преснякова и замечая: «Все предшествующее наше изложение, как кажется, должно послужить к некоторому расширению представлений об истоках и началах петербургской исторической школы „научного реализма“, в составе которой В. Г. Васильевский является представителем уже среднего поколения». К следующему поколению С. Н. Валк явно относит как А. Е. Преснякова, так и своего учителя А. С. Лаппо-Данилевского. К сожалению, эта статья — лишь иллюстрация завуалированно высказанной точки зрения о научном значении методологии петербургской исторической школы; общественно-политическая ситуация не давала ученому возможность открыто поставить проблему и провести ее научный анализ.

В результате термин «петербургская историческая школа» на сегодняшний день основывается на некоем противоречивом историографическом представлении. Рассмотренные выше источники лишь указывают на необходимость научного анализа искомого понятия, но не дают достаточно четкого представления о его историографическом содержании. Для обоснованного использования этого понятия в качестве историографического термина требуется специальный анализ конкретно-исторических трудов крупнейших представителей исторической науки Москвы и Петербурга.

¹ *Погодин С. Н.* «Русская школа» историков: Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский. СПб., 1997; *Ростовцев Е. А.* А. С. Лаппо-Данилевский как представитель петербургской исторической школы // Петербургские чтения — 97. СПб., 1997; *Ананьич В. В.* «Петербургская историческая школа» // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996; *Он же.* О воспоминаниях Н. С. Штакельберг // In memorem. Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М.; СПб., 1995; *Панель В. М.* «Настоящая жизнь»: Борис Александрович Романов — студент Петербургского университета. 1906—1911 годы // Средневековая и новая Россия. Сб. научных статей. К 60-летию проф. И. Я. Фроянова. СПб., 1996; *Медушевская О. М.* Методология истории А. С. Лаппо-Данилевского и современное гуманитарное познание // Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996; *Брачев В. С.* Русский историк Сергей Федорович Платонов. СПб., 1996, *Он же.* <Рец.:> *Пресняков А. Е.* Князьство право в Древней Руси. Лекции по русской истории / Подг. текста, статьи и прим. М. Б. Свердлова. М., 1993 // Отечественная история. 1995. № 3; *Свердлов М. Б.* О «петербургской школе историков», корректности историографического анализа и рецензии В. С. Брачева. СПб., 1995; *Чирков С. В.* Археография и школы в русской исторической науке XIX — начала XX века // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990 и др.

² *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV ст. Пг., 1918; *Он же.* Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства». Пг., 1920. С. 6; *Он же.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 16—17, 25, 27—28.

³ *Милоков П. Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. I. С. 163.

⁴ *Валк С. Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной сессии ЛГУ. Л., 1948.

⁵ *Невский В. И.* Рецензия на книгу А. Лаппо-Данилевского «Методология истории» // Печать и революция. 1923. № 7. С. 182.

С. В. СЕМЕНЦОВ

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ ПРИНЕВЬЯ XV—XVII ВЕКОВ

Изучение истории жизни Приневья прошло ряд этапов. Еще в XVII в. об этих землях писали путешественники А. Олеарий и П. Петрей¹. В книгах, посвященных победам шведского короля, на эти земли обращали внимание М. Лунквиций, С.-Л.-Б. де Пуфендорф и другие², отражая в своих оценках непосредственность восприятия событий.

Осмысление исторических процессов на рассматриваемых территориях началось практически одновременно с рождением Санкт-Петербурга. В литературе XVIII столетия можно выделить два направления: общен историческое и картографическое. Любые обобщающие работы того времени содержали обширную информацию о территориях Приневья. В трудах В. Н. Татищева, Н. И. Новикова, Г.-Ф. Миллера, Н. М. Карамзина, А. Шкапова можно найти данные о событиях, происходивших на берегах Невы³. И.-Г. Георги и